

Лидия Чарская

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ

КЛАССИКА

МИФ

Лидия Чарская

ЗАПИСКИ ИНСТИТУТКИ

Москва
МИФ
2026

УДК 821.161-311.2

ББК 84(2Рос=Рус)5-44

Ч22

Чарская, Лидия

Ч22 Записки институтки / Л. Чарская. — Москва : МИФ, 2026. — 224 с. — (Вечные истории. Young Adult).

ISBN 978-5-00250-631-6

Лидия Чарская, служившая актрисой в Александринском театре, обратилась к писательству, столкнувшись с нуждой, но именно творчество, а не роли, принесли ей необычайный успех. Ее дебютная повесть «Записки институтки» стала любимой книгой у целого поколения и по полярности уступала только произведениям Пушкина и Гоголя.

Юная Люда Власовская поступает в институт благородных девиц в Петербурге, и ее жизнь отныне должна подчиняться строгим правилам. Но судьба преподносит одно приключение за другим и готовит для нее серьезное испытание...

УДК 821.161-311.2

ББК 84(2Рос=Рус)5-44

ISBN 978-5-00250-631-6

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

«Записки институтки» — классика русской литературы начала XX века, рассказывающая об особом мире воспитанниц институтов благородных девиц — закрытых учебных заведений, в которых складывалась интеллигентная женская среда дореволюционной России.

Институты благородных девиц сформировала мечта Екатерины II и ее сподвижника Ивана Бецкого дать стране образованных женщин, хороших матерей, полезных членов семьи и общества — это был важнейший государственный проект XVIII–XIX веков. Воспитанниц брали в очень юном возрасте и на долгие годы отрывали от дома. Они росли вдали от родителей, редко видели родных, поэтому остро нуждались в тепле, внимании и привязанности.

Эту нехватку семьи девочки восполняли дружбой и «игрой в обожание» — традицией, свойственной

институтской среде. Младшие восхищались старшими, писали им восторженные записки, стремились быть рядом, делились тайнами и грезами. Эти отношения считались совершенно безобидными и естественными для того времени — они выражали духовную близость и тоску по дому. Воспитанницы любили друг друга как сестры, создавая маленький мир тепла и взаимной поддержки в условиях замкнутого пространства и строгого воспитания.

При этом особое внимание в их обучении уделялось музыке, французскому языку, рукоделию и светским навыкам. Но за внешней строгостью и дисциплиной скрывались девичьи мечты — о балах, офицерах, нарядах и будущей семейной жизни. Каждая из них представляла себе тот миг, когда откроются двери в большой свет — мир, где можно будет наконец-то любить, быть любимой, стать женой и матерью. Эти мечты придавали смысл долгим годам обучения и ожидания: выпускной бал становился символом взросления, перехода из детства в жизнь, где грезы могли осуществиться.

Моим дорогим подругам, бывшим
воспитанницам Павловского
института выпускса 1893 года,
этот скромный труд посвящаю.

Автор

*Когда веселой чередою
Мелькает в мыслях предо мною
Счастливых лет веселый рой,
Я точно снова оживаю,
Невзгоды жизни забываю
И вновь мирюсь с своей судьбой...
Я вспоминаю дни ученья,
Горячей дружбы увлеченья,
Проказы милых школьных лет,
Надежды силы молодые,
И грезы светлые, живые,
И чистой юности рассвет...*

ГЛАВА I

ОТЪЕЗД

В моих ушах еще звучит пронзительный свисток локомотива, шумят колеса поезда — и весь этот шум и грохот покрывают дорогие моему сердцу слова:

— Христос с тобой, деточка!

Эти слова сказала мама, прощаясь со мною на станции.

Бедная, дорогая мама! Как она горько плакала! Ей было так тяжело расставаться со мною!

Брат Вася не верил, что я уезжаю, до тех пор, пока няня и наш кучер Андрей не принесли из кладовой старый чемоданчик покойного папы, а мама стала укладывать в него мое белье, книги и любимую мою куклу Лушу, с которой я никак не решилась расстаться. Няня туда же сунула мешок вкусных деревенских коржиков, которые она так мастерски стряпала, и пакетик малиновой смоквы, тоже собственного ее приготовления. Тут только, при виде всех этих сборов, горько заплакал Вася.

— Не уезжай, не уезжай, Люда, — просил он меня, обливаясь слезами и пряча на моих коленях свою курчавую головенку.

— Люде надо ехать учиться, крошка, — уговаривала его мама, стараясь утешить. — Люда приедет на лето, да и мы съездим к ней, может быть, если удастся хорошо продать пшеницу.

Добрая мамочка! Она знала, что приехать ей не удастся, — наши средства, слишком ограниченные, не позволяют этого, — но ей так жаль было огорчать нас с братишкой, все наше детство не расстававшихся друг с другом!..

Наступил час отъезда. Ни я, ни мама с Васей ничего не ели за ранним завтраком. У крыльца стояла линейка; запряженный в нее Гнедко умильно моргал своими добрыми глазами, когда я в последний раз подала ему кусок сахара. Около линейки собралась наша немногочисленная дворня: стряпка Катря с дочуркой Гапкой, Ивась — молодой садовник, младший брат кучера Андрея, собака Милка — моя любимица, верный товарищ наших игр, и, наконец, моя милая старушка-няня, с громкими рыданиями провожающая свое «дорогое дитятко».

Я видела сквозь слезы эти простодушные любящие лица, слышала искренние пожелания «доброй панючке» и, боясь сама разрыдаться навзрыд, поспешно села в бричку с мамой и Васей.

Минута, другая, взмах кнута — и родимый хутор, тонувший в целой роще фруктовых деревьев, исчез из вида. Потянулись поля, поля бесконечные, милые, родные поля близкой моему сердцу Украины. А день, сухой, солнечный, улыбался мне голубым небом, как бы прощаясь со мною...

На станции меня ждала наша соседка по хуторам, бывшая институтка, взявшая на себя обязанность отвезти

меня в тот самый институт, в котором она когда-то воспитывалась.

Недолго пришлось мне побыть с моими в ожидании поезда. Скоро подползло ненавистное чудовище, увозившее меня от них. Я не плакала. Что-то тяжелое надавило мне грудь и клокотало в горле, когда мама дрожащими руками перекрестила меня и, благословив снятым ею с себя образком, повесила его мне на шею.

Я крепко обняла дорогую, прижалась к ней. Горячо целуя ее худенькие, бледные щеки, ее ясные, как у ребенка, синие глаза, полные слез, я обещала ей шепотом:

— Мамуля, я буду хорошо учиться, ты не беспокойся.

Потом мы обнялись с Васей, и я села в вагон.

Дорога от Полтавы до Петербурга мне показалась бесконечной.

Анна Фоминишна, моя попутчица, старалась всячески рассеять меня, рассказывая мне о Петербурге, об институте, в котором воспитывалась она сама и куда везла меня теперь. Поминутно при этом она угождала меня пастилой, конфетами и яблоками, взятыми из дома. Но кусок не шел мне в горло. Лицо мамы, такое, каким я его видела на станции, не выходило из памяти, и мое сердце больно сжималось.

В Петербурге нас встретил невзрачный, серенький день. Серое небо грозило проливным дождем, когда мы сходили на подъезд вокзала.

Наемная карета отвезла нас в большую и мрачную гостиницу. Я видела сквозь стекла ее шумные улицы, громадные дома и беспрерывно снующую толпу, но мои мысли были далеко-далеко, под синим небом моей родной Украины, во фруктовом садике, подле мамочки, Васи, няни...